

Нодар
ДУМБАДЗЕ:

Эту книгу я готов читать бесконечно

Документальный фильм «Нодар Думбадзе», который представил на фестиваль Грузинский комитет по телевидению и радиовещанию, зрители впервые увидели в дикле «Коммунисты». Герой фильма не только любимый и широко известный писатель, но и крупный общественный деятель. В дни смотра телевизионного искусства наш корреспондент К. Иоселиани обратилась к лауреату Ленинской премии Нодару Владимировичу Думбадзе с просьбой рассказать о том, какое влияние телевизионная муза оказывает на его профессиональную деятельность, какие качества он ценит в телевизионных фильмах и программах.

Сегодня нельзя отрицать, что телевидение оказывает огромное влияние на каждого человека. И писатель здесь не исключение. Благодаря телевидению писатель получает невиданные доселе возможности осуществлять свой профессиональный долг. Ведь внутренне каждый писатель должен быть готов говорить со своим народом, говорить от имени своего народа. А телевидение — это такая трибуна, о которой люди пишут четверть века назад даже и не мечтали.

Почти все мои произведения с большим или меньшим успехом были экранизированы. В том числе и для телевидения. Конечно, мне, как и каждому автору, кажется, что экранизация многое теряет по сравнению с оригиналом, выстраданным и выношенным. Но я понимаю, что у кино и ТВ своя специфика, и то, что приемлемо в литературе, невозможно полностью перенести на экран. Впрочем, я не сторонник доскопального переноса, да и обижаться мне не на кого, поскольку я почти всегда сам участвую в создании сценария для будущего фильма.

Должен признаться, что именно телевидение научило меня мыслить конкретно и оперативно. В этом смысле неопенимую пользу принесла мне не только работа над экранизациями, но и встречи с читателями. По-моему, одна из сложностей нашего века — это разобщенность людей. Я никогда не забуду вечер в Америке, когда я был в гостях у своего земляка, корреспондента «Известий» в Вашингтоне Мэлоу Стурра. Нас было три человека, а грузины любят, когда за столом сидит много людей, и я сказал Мэлоу: «Слушай, позви соседа». А он мне объяснил, что если я так поступлю, то тот, чьего доброго, вызовет «скорую помощь» и меня увезут в сумасшедший дом. Ведь сосед может подумать, что я от него чего-то хочу.

В Грузии мы как привыкли жить? У нас были общие дворы и общие балконы. Вот и русский язык, на котором я сейчас говорю, я выучил не по книгам, а во дворе. Есть у меня друзья, которые говорят на армянском, азербайджанском и курдском одновременно. И вот ныне, когда мы подчас отгораживаемся квартирами, заборами, комнатами, телевидение как-то снова нас соединяет.

Первый раз я шел на те-

лестудию с паническим страхом в душе: не мог привыкнуть к мысли, что меня увидят и услышат миллионы. Но вдруг подумал: а что (более или менее постоянно) испытывает писатель? В чем его, так сказать, профессиональная болезнь? И сам себе ответил писатель испытывает страх перед читателем. Вероятно, мои слова покажутся кому-то странными, наверно, это мое личное ощущение, но я убежден, что, когда у писателя исчезнет страх перед читателем, можно считать, что он умер. Ведь писатель живет одобрением своих читателей, их мнением и пожеланиями. Без читателя писатель не существует. Поэтому телевизионные встречи, и в первую очередь останкинские вечера, дают нам бесценную возможность непосредственно, из первых рук узнать, какие чувства и мысли рождают у людей наши произведения. Но только при одном условии: если такая передача не зарепетирована, если вопросы живые, возникающие по ходу разговора, а ответы не выученные, не подготовленные, не появляющиеся в результате непосредственного размышления и поиска на глазах многомиллионной аудитории. Только в этом случае возникает подлинный контакт и с теми, кто пришел в студию, и с теми, кто сидит перед экранами телевизоров.

Ведь за каждым читательским вопросом стоит конкретный человек с его мыслями, чувствами, с миром его интересов. И я хочу понять, чем живут, о чем думают мои современники. Иногда тот или иной вопрос заставлял меня задуматься над тем, над чем я никогда прежде не задумывался, и делать для себя потрясающие открытия. Помню такую забавную ситуацию. Во время одной из встреч меня спросили: «Какую книгу вы не устаете читать, откуда черпаете сюжеты?». Этот вопрос прозвучал из уст девушки, и меня, человека пожилого, он, по правде сказать, поставил в тупик. Я долго думал, молчал. А потом сказал так: «Эта книга — камин». Девушка спросила: «А кто автор этой книги, в какой стране он жил или живет?». Я ответил: «Не знаю, кто автор, наверное, народ, и тогда, вероятно, еще не было стран. Это обыкновенный камин с огнем, в который я мо-

гу бесконечно смотреть и черпать идеи».

Сегодня, вспоминая об этом случае, я хочу сказать, что, возможно, мы стали свидетелями рождения еще одной вечной книги: рядом со старинным камином зажегся электронный огонек телеэкрана, и в него, кажется, тоже могу смотреть бесконечно, узнавать о все новых событиях и героях.

Телекамера — великий документалист и летописец.

Телевизионные студии нашей страны ежегодно создают десятки документальных лент. Их герои — рабочие, колхозники, ученые, артисты, писатели, поэты. Обидно, когда люди, интересные и неповторимые в жизни, став героями того или иного телефильма, выглядят похожими друг на друга.

Я считаю, что между трудом рабочего и писателя нет никакой пропасти, и тот и другой труд может быть нужным, творческим или бесполезным, бессмысленным. И когда документалист снимает фильм о рабочем, он должен помнить, что его герой получает ту же трибуну, что и писатель в Концертной студии Останкино. Поэтому у документалиста есть не только профессиональная, но человеческая ответственность. На экране, как в жизни, человек должен походить на скульптуру, которую обходишь со всех сторон и тебе открываются все новые ее ракурсы.

Очень часто, к сожалению, герой документального фильма скроен сценарием. А реальная жизнь всегда интереснее придуманной схемы. Среди актеров, писателей и поэтов встречаются прекрасные рассказчики, а есть люди замкнутые в быту очень обыкновенные, но когда «потребует поэта к священной жертве Аполлон», он может преобразиться, стать вдохновенным мастером. И вот эту тайну творчества должен вскрыть документалист.

Большое впечатление в свое время произвел на меня наш грузинский документально-художественный фильм «Пастухи Тушетии». Режиссер И. Чхидзе с большой любовью и точностью показал сложный мир своих героев, которые месяцами живут вдали от дома и семьи, показали их безграничное мужество, дал зрителю возможность как бы изнутри почувствовать

психологию, склад души и ума тушинцев. Вероятно, режиссер должен прежде всего сам понять мир персонажей, проникнуться их мыслями, полюбить их, а потом уж переносить их жизнь на экран. Тогда герои предстанут в реальных диалогах, в реальном окружении и действии. Это и есть документализм в самом высоком и точном смысле слова.

На мой взгляд, документализм вовсе не равен слепому копированию жизни, иначе он лишается идеи, публицистического накала. Хочу привести такой пример. Во время моей поездки в США я стал свидетелем пожара на сороковом этаже одного небоскреба. И целый день, через каждые десять минут телевидение передавало, как этот пожар тушат воздушными пушками, как обрываются и обваливаются лестницы. И все это так нагнеталось, что в конце концов мне показалось, что горит весь Нью-Йорк, и я убежал из гостиницы, подумав, что сейчас пожар начнется и в моем номере. Подобный «документализм» на деле оборачивается бессмысленным утравированием и запугиванием. Документальному кино натурализм не нужен, как и любому другому искусству. И когда приходится говорить о вещах тяжелых, даже страшных, не надо забывать, что реальный жизненный материал только тогда обретает ценность, когда освещен высокой идеей.

В связи с этим не могу не вспомнить многосерийный документальный фильм «Великая Отечественная», который с большим успехом шел на наших телеэкранах. Эта картинка повествует о тяжелых годах, но она проникнута великой идеей гуманизма. Именно поэтому фильм «Великая Отечественная» стал памятником тем двадцати миллионам, которые отдали свои жизни за Родину и Победу. И еще одно. «Великая Отечественная» — фильм глубоко интернациональный.

Но телевидение должно быть не только интернациональным, но и национальным. И мне хотелось бы пожелать, чтобы телевизионные фестивали способствовали укреплению национального характера телепрограмм наших республик. В этом смысле я страстно поклонник нашего Грузинского телевидения. Конечно, техническая сторона здесь еще очень далека от совершенства, но в плане творческом есть чему поучиться. Мне нравится и постоянный поиск, и острота публицистических программ, и то, что столько внимания уделяется народному творчеству, поэзии, живописи — даже пятиминутные паузы используются для того, чтобы показать несколько картин местных художников. Когда смотришь грузинские программы, не сомневаешься, что это именно национальное ТВ. Я хорошо знаю телевидение многих городов и республик. И мне хотелось бы, чтобы через домашний экран жители нашей огромной страны могли узнавать друг друга, видеть, как меняется жизнь республик СССР.

И я уверен, что недалеко то будущее, когда телевидение станет для каждого прекрасной и поучительной книгой, которую не устает читать бесконечно.

Фото А. Карзанова.

Почему они счастливы?

Александр БЕЛИНСКИЙ, Олег ЕФРЕМОВ, Маргарита ТЕРЕХОВА
размышляют о работе над фильмом

Члены жюри X Всесоюзного телевизионного фестиваля стали первыми зрителями картины «Не хочу быть несчастливой», которую выдвинули на конкурс игровых лент Ленинградцы. Что было главным в работе над фильмом? Об этом говорят режиссер-постановщик фильма Александр Белинский и исполнители главных ролей — Олег Ефремов и Маргарита Терехова.

А. Белинский: Наверное, самый главный наш козырь — драматургия А. Володина, который на сей раз написал сценарий специально для телевидения. Это грустная комедия, жанр, свойственный большинству фильмов по сценариям нашего замечательного драматурга. Как и в «Осеннем маршале», «Пяти вечерах», в нашей картине звучит тема любви двух не очень молодых людей.

М. Терехова: Я была счастлива иметь дело с мастерами. Всегда мне нравился драматург Володин, хотя играю в его пьесе впервые. Всегда любила Ефремова-актера. И последние работы режиссера Белинского на телеэкране мне тоже нравятся. Работали легко и быстро, радуясь друг другу. Жаль, что эти состояния все-таки редкость на съемочной площадке.

О. Ефремов: У меня тоже есть повод для сожаления: Володин перестал писать для театра. Я, конечно, рассуждаю с позиций театрального режиссера. Но есть у моих сожалений и более личные причины. Ведь Володин не только один из создателей эстетики театра моего поколения, но и конкретно «Современника», где я начинал как режиссер, где поставил его первую пьесу «Фабричная девчонка», а потом «Пять вечеров» и «Назначение», сам сыграл роль Лямина.

А. Белинский: По-моему, Мокин, главный герой нашей картины, — это в какой-то степени весьма постаревший, помудревший Лямин. Представьте себе человека, который во время войны был сыном полка. А потом его жизнь сложилась в общепринятых представлениях не очень-то удачно. Он не поступил в медицинский институт и стал инженером по технике безопасности, хотя в душе всегда был поэтом. В пятьдесят лет Мокин вдруг стал писать. И вся внутренняя суть этого человека, его философия и нравственность вылились в стихи, которые занимают почти половину текста фильма. Стихами герой мыслит, они звучат за кадром, поются.

О. Ефремов: Я, кажется, впервые на экране запел, но

роль мне дорога не только этим.

Меня по-настоящему взволновала встреча с щемящим человеческим материалом, взволновала прекрасная володинская мысль о том, что интеллигентному, творческому человеку, как бы ни сложилась его судьба, просто стыдно быть несчастливым, даже если он одинок.

М. Терехова: Человек обычно в одиночестве решает свои главные вопросы. У меня таких героинь было довольно много: и Маман в «Детстве», и Верочка в «Дневном поезде», и такие разные — Фаина («На всю оставшуюся жизнь»), Манон («Манон Леско»), Диана («Собака на сене»). Но моя героиня в этой новой работе, кажется, даже свои проблемы хочет решать с Мокинным вместе.

А. Белинский: И все-таки какие-то наши герои чудные. Вот ваша героиня, Маргарита Борисовна, преуспевающий врач, а чувствует себя не такой уж счастливой. Герой же Ефремова — непреуспевающий поэт, который вдруг оказывается счастливым. Может быть, и жюри нас не оценит, и зрители не поймут!

О. Ефремов: И все равно не хочу быть несчастливым! Я уже не раз получал за свои выступления по телевидению до-

вольно-таки суровые зрительские письма. Критика, конечно, не так уж приятна. Но без широкого общения, которое, кстати сказать, дает именно ТВ, без широкого круга оценок я не был бы современным главным режиссером.

М. Терехова: А меня в моей актерской судьбе, представьте себе, очень мало волнует комплименты, а критика умных друзей, наоборот, подталкивает.

А. Белинский: А вас подталкивает то, что вам защищаемый «Д'Артаньян и три мушкетера» мне лично не очень-то пришелся по душе, хотя, должен признаться, Миледи мне понравилась.

М. Терехова: И что вы нападаете на моих «Мушкетеров»? Такой «звездный» состав артистов, с таким азартом, абсолютно в жанре вас развлекает...

А. Белинский: Так доколе же мы вместе? Я имею в виду с ТВ?

О. Ефремов: Навсегда. Здесь и через маленькую роль можно добиться многого, даже большого признания.

М. Терехова: Конечно, навсегда. Ведь наше телевидение способно предложить такой выбор ролей... А опыт показывает — и никак не дешевле — лучшие актеры делают на ТВ грандиозные вещи.

А. Белинский: Ну, тогда чего нам вообще спорить? Пусть жюри само и решает свои проблемы.

Интервью взяла
Е. ЧЕКАЛОВА.